

Ваньэр, услышав своё имя, выпрямилась на коленях и поклонилась мне. Я, уцепившись за руку отца, сказала: «Если говорить о знаниях, то Цуй Мин-дэ и другие вряд ли уступят этим людям. Позови и их, ась?»

Отец щипнул меня за подбородок и рассмеялся: «Испытание-то серьёзное, не девчачьи забавы. Зачем их звать?» Я, только что боявшаяся, что и меня призовут, теперь вознегодовала на отцово пренебрежение к «девчачьим забавам». Да и потом: звать моих подруг — забавы, а звать Ваньэр — это серьёзно? Мать, кажется, уловила моё недовольство, подозвала меня к себе, усадила рядом, обняла и сказала: «Сиди смиренно, смотри». Пришлось подчиниться и продолжать уплетать сласти.

Вскоре явился и Ли Жуй. Отец, не дав ему и поклониться как следует, махнул рукой в сторону площадки: «Давно не спрашивал о твоих успехах, даже не ведаю, чем в Хунвэньсяне занимаешься. Нынче проверю». Ли Жуй явно не ожидал такого поворота. Он с тоской посмотрел на меня, я ответила ему столь же скорбной миной. Мы оба печалились об этом испытании, но по разным причинам: он — оттого что учёность его хромала и он боялся опозориться, я же — от несправедливости к Цуй Мин-дэ и другим. Экзамен для одарённых детей проверял лишь знание канонов, неужели Цуй Мин-дэ, с её талантом, могла бы уступить двум соплякам?

Убедившись, что все в сборе, отец кивнул Ян Цзыгао. Тот вышел вперёд и с улыбкой объявил: «Ныне три испытания: ода, стихи и тецзин. По окончании оды Ваши Величества соизволят устроить пир с передачей цветка. Победитель выпьет первым. Во время пира будет предложено сложить стихи — победителю достанется пион. После пира — тецзин. Господин Чжэн, господин Пэй и Шангуань Цайжэнь могут держать испытание по всем трём предметам».

Тецзин — проверка памяти, зазубривания текстов, — был самым простым из всех испытаний. Двое младших участников не возражали, но Ваньэр выпрямила спину и сказала: «Ваше Величество, я прошу держать испытание по оде и стихам».

Мать, словно ожидая этого, лениво взмахнула рукавом: «Соизволяю». Затем, обратившись к учёным мужам, добавила: «Сия Шангуань Цайжэнь — дочь Шангуань Тинчжи, внучка Шангуань И». Несколько человек, не слишком обременённых воспитанностью, уже начали было кривить лица, но, услышав «внучка Шангуань И», сменили гнев на милость и взглянули на Ваньэр иначе.

Отец кашлянул: «Многословия не надо. Начинаем. Нынче испытываем быстроту мысли — время ограничено одной палочкой благовоний».

Мать улыбнулась ему, затем — собравшимся учёным, а после перевела взгляд на Гао Яньфу и мигнула. Тот взглянул на меня. Мать улыбнулась, и он приблизился. Мать, через меня, сказала ему: «Разузнай про тех».

Гао Яньфу почтительно улыбнулся и, пятясь, вышел. Я смотрела на мать, разинув рот. Та же лишь невозмутимо взяла со стола сласть и поднесла мне к губам. Я машинально раскрыла рот, приняла угощение и принялась жевать. Мать с лёгкой досадой покачала головой, вытерла крошки у меня с губ и вдруг спросила: «А Сыцзы не хочет тоже спуститься и оду сочинить?»

Я уже собиралась отказаться, но мать подтолкнула отца: «Саньлан, что, если и Сыцзы позволим?»

Отец усмехнулся: «Пусть». Затем подмигнул мне многозначительно: «Слышал, Сыцзы у Шангуань Цайжэнь учится? Должно быть, учёность сильно преуспела».

Я лишь на миг замешкалась, а мать уже велела поставить рядом с тронем маленький столик и принести отдельный экзаменационный лист. Мои любезные тётушки, принцессы Цинхэ и Синьянь, подошли с двух сторон, взяли меня под руки и подвели к столику. Одна, сжимая мою руку, сказала: «Сыцзы, пиши хорошенько. Пусть видят, что принцессы Великой Тан князьям не уступят». Другая вскрыла тубус со свитком, придавила лист бумажным прессом и собралась было растереть для меня тушь. Я, перепугавшись, поспешно отклонила помощь. С трудом управившись с обеими, обнаружила, что палочка благовоний уже изрядно прогорела.

Музыканты из Цзяофана заиграли лёгкую, пиршественную мелодию. Дяди и тётки уже всю беседовали с отцом и матерью, весело смеясь. Страдала одна я, загнанная сюда сочинять.

С тоской обмакнув кисть в тушь, я вздохнула и взглянула на тему. Первая строка показалась до боли знакомой. Присмотрелась — да это же тот самый доклад, что мать прежде велела мне написать! Только тогда она не ограничивала жанр и требовала всего сорока строк. Теперь же велено было сочинить именно оду. Впрочем, и это было не страшно: Вэй Хуань уже тайком подготовила для меня ритмическую прозу в параллельных конструкциях. К тому же на сей раз рифма не была ограничена — достаточно было слегка подправить тот текст, и выходило вполне сносно. В своё время, опасаясь, что мать останется недовольна, я тайком просила Цуй Мин-дэ оценить сочинение Вэй Хуань. Та, полагая, что автор — я, принялась меня расхваливать: мол, хоть слог и не блещет, зато мысль свежа, а для двенадцати лет и вовсе удивительно. Когда же узнала, что автор — Вэй Хуань, изумилась пуще прежнего: я-то с младых ногтей у лучших учителей, а Вэй Хуань — самоучка. Потому, хоть она и была на год меня старше, достижение её и впрямь было немалым. Я-то считала Цуй Мин-дэ существом почти неземным, этакой бестелесной бессребреницей, а она, глядишь, и поторговаться умела, когда надо, да и о положении Вэй Хуань не забыла. Не могла не проникнуться к ней новым уважением.

Отец, видя, что я медлю, лёгким кашлем привлёк моё внимание: «Хоть целиком и не выйдет, несколько строк напиши. В твои годы уже и ритм выдержать — похвально».

Подгоняемая им, я вспомнила о задаче. Палочка благовоний уже наполовину истлела. Я поспешно взялась за кисть и едва успела вывести последний иероглиф, как благовоние догорело.

Музыка умолкла. Все один за другим отложили кисти. Отец, однако, не велел собирать работы, а начал вызывать каждого поимённо, чтобы те зачитывали свои творения. Несколько прочитанных од ему не понравились. Когда же очередь дошла до Ли Жуй, тот начал так:

«Сыновняя почтительность небеса в движение приводит, человеколюбие солнца сиянье открывает».

Отец приподнял бровь и усмехнулся: «Недурно».

Я, сочиняя своё, уже заметила, как Ли Жуй сияет от удовольствия, и поняла: и он писал заранее заготовленное. Почему-то стало скучно. Я взглянула на свой свиток, подняла его и смяла в комок. Ли Жуй, читавший с гордостью, опешил: «Сыцзы... что ты?»

Чувствуя, что все взоры устремлены на меня, я опустила голову: «Не дописала. И вышло плохо. Не стоит зачитывать».

Мать взмахнула рукой. Кто-то принял у меня смятый свиток и подал ей. Мать развернула, взглянула и улыбнулась: «Хорошо написано». Она велела передать свиток по кругу. Дяди и тётки принялись наперебой восхищаться: «Исключительно!» Даже несколько учёных, прежде с пренебрежением смотревших на Ваньэр, сложили передо мной руки и произнесли: «Мужчине

не уступит!»

От таких похвал на душе стало ещё горше. Я опустила голову и уставилась на кончики своих туфель.

Мать вздохнула, подозвала меня, прижала к груди, и я, уткнувшись в её одежды, прошептала еле слышно: «Матушка... это не я писала».

Мать рассмеялась: «Знаю. Это Вэй Хуань за тебя сочинила, а ты потом Цуй Мин-дэ просила поправить».

Я с недоумением взглянула на неё, но она наклонилась к моему уху и, словно открывая великую тайну, прошептала нечто общеизвестное: «И мои указы никогда мною не писаны. Прежде — секретари из ведомства, ныне — Ваньэр».

Я, слегка задето, возразила: «Это не одно и то же». Голос прозвучал громче, чем следовало. Отец посмотрел на нас и с лёгкой досадой улыбнулся. Мать подтолкнула его: «Саньлан, продолжай судить об одах».

Затем, повернувшись ко мне, она нежно ущипнула меня за щёку и, смеясь, сказала: «Всё то же самое». Потом приподняла мой подбородок, заставив взглянуть на собравшихся внизу, сунула мне в рот сладость и добавила: «Смотри хорошенько».

<http://bllate.org/book/16278/1466049>